

САМЫЕ разные героини. Самые разные судьбы. Самые разные люди. Несчастливые и счастливые, мятущиеся и спокойные, добрые и озлобленные, трагические и прекрасные.

Героини Майи Булгаковой так часто были несчастливы на экране. Так много страдали. Так много видели горя. Вы помните это застывшее в улыбке лицо женщины, пережившей оккупацию из «Повести пламенных лет», — маленький эпизод, ставший событием в кинематографе? И другой — ее незамолкающая ни на минуту хохотушка — украинка из «Последнего месяца осени». Вдруг прорвалась в этой трагической актрисе такая жажда жизни, веселья, радости.

— Что есть для меня счастье моих героинь? Не просто удачливая судьба. Даже не благополучный исход в какой-то ситуации, положенной в основу фильма. Для меня человек счастлив, когда он живет высоким стремлением, когда повседневность не в силах захлестнуть его мечту, когда у него есть какой-то прекрасный стимул. Пусть боль, пусть неудачи, пусть несбывшиеся и несбывающиеся ожидания. Но человек стремится и борется — тогда он счастлив. Можно быть счастливым в самой безответной любви, потому что настоящая любовь рождает в человеке и доброту, и силу, и способность к самопожертвованию.

Счастлива ли моя Арина из фильма «Скуки ради»? Помните финальный эпизод? Я про это так фантазировала. Вспомнила почему-то гениальную Сикстинскую мадонну — вот уж, казалось бы, странная ассоциация! Но спасибо ей за глаза, за улыбку «чуть-чуть», и за то, как она смотрит и видит, что творится у каждого на душе, и никуда от этого всепонимания не деться...

Для меня общее здесь — гармония. Та, которой Рафаэль наделил мадонну сполна и которая так глубоко живет в моей героине. Вообще я за глубокие чувства, за сильные страсти. Очень жаль, что в последнее время драматургии точно на откуп отдали все сильные чувства, боления характеров, трагедийные конфликты почти исключительно классическим героям. Если судить по сценариям, которые мне приходится читать в большом количестве, то дальше бытовых драм фантазия иных наших авторов не простирается.

— И вы ищете близкую вам трагедийную ситуацию, острый конфликт в классических ролях?

— Я думаю, что деле-

ние ролей на «классические» и «современные» для актера очень условно. Ведь все мы живем в определенное время, в определенных условиях, формирующих наши характеры. Я играю сегодня, я живу на экране сегодня, прежде всего для тех, кто живет рядом со мной. Тот образ мыслей, который я пытаюсь сообщить им и которым я должна заразить их, им следует разделить вместе со мной. Иначе вся наша работа вхолостую. Поэтому, играю ли я героиню XIX — начала XX века, я ищу созвучий им в моем, сегодняшнем, времени. Сейчас я начинаю работать над Достоевским — я буду играть Катерину Ивановну в «Преступлении и наказании». Я ищу — чем всего острее могу соприкоснуться с теми, для кого работаю.

— Вы говорите о поисках контакта со зрителем... Скажите, происходит ли то же самое, когда вы работаете над ролью отрицательной?

— Да. Понимаете, ведь это вы, зрители, должны

Майя БУЛГАКОВА:

ЧТО ЕСТЬ СЧАСТЬЕ?

воспринять данный персонаж как лицо отрицательное. А я не имею на это права. Я должна понять героиню, докопаться до всех ее корней — откуда что пошло... Но не поймите мое «понять» как «принять», это не равнозначно. Кстати, с возрастом меняется и сам процесс работы над отрицательным образом. В юности, когда нам присущи некоторая скоропалительность, беспощадность суждений, труднее достается контакт с отрицательным героем и красок для него находится гораздо меньше. С годами все больше осознаешь жизнь во всей ее несомненной сложности. И не то чтобы становишься терпимее к какому-то отрицательным сторонам, нет. Напротив, становишься нетерпимее, но жизненный опыт помогает увидеть и отыскать источники этого дурного и спокойнее разобраться в герое. И потому сыгравшей убедительнее, истиннее, что ли.

— А есть ли разница в том, как начинается у вас работа над образами положительными и отрицательными? Мне кажется, что в первом случае вы идете от эмоционального начала, во втором — от рационального, судя по тому, как вы говорите об этом.

— Нет, вы не правы. Для меня всегда началось — в эмоциональном моменте, в первом эмоциональном соприкосновении с ролью. Я читаю сценарий и ищу, в чем я близка, схожа с героиней, где мы одинаковы. Найти этот первый контакт, а дальше идти от найденного.

— Всегда ли это возможно?

— Наверное, да. Я вижу в этом свою профессиональную задачу. Бывают актеры, для которых будущий образ начинается с детали, с интонации, с какой-то реплики. У меня сначала — эмоциональный толчок, потом осознание того, что я ощутила. И чем глубже я задела, тем активнее работает моя фантазия, тем больше я могу вообразить, додумать.

— Вы много снимались. И в главных, и в эпизодических ролях. Влияет ли встреча с режиссером на ваше представление о героине, может ли изменить его?

— Изменить — не знаю. Повлиять — конечно. Я работала с талантливыми, интересными мастерами. В какой-то мере подытоживая для себя эти встречи, я выделяю два типа взаимоотношений с режиссерами, когда они могут активно повлиять на ме-

ня. Бывают отношения, которые я не побоюсь назвать антагонистическими. Хотя совершенно не подразумеваю под этим ссоры, неурядицы и т. п. Я говорю о том случае, когда работа над фильмом сводит вместе двух людей, которые по своему характеру, складу ума, мировосприятию, внутренней настроенности совершенно различны. Эта полярность может дать интересный результат, у актера рождается образ сложный, неожиданный, в нем всегда сказывается противостояние художников.

И второй тип взаимоотношений актера и режиссера, который я назвала бы идеальным. Когда актер приходит к режиссеру и может спокойно доверить ему свое видение роли, когда режиссер понимает и думает синхронно с актером, что глубже, многослойнее, когда он постиг то, к чему актер только приближается, то есть это удивительный вариант актерского восприятия образа. И его влияние не может не сказаться. Каждая актерская работа в кино — это всегда результат встречи актера и режиссера.

— В свете этого какая же из ваших работ оказалась для вас самой близкой?

— Я вряд ли смогу ответить. Хочу думать, что это будет Катерина Ивановна. Работа с Львом Александровичем Кулиджановым и есть для меня тот самый идеальный вариант встречи с режиссером, о котором я говорила. А вообще, что бы я ни играла — даже «женщину в толпе» (и это играла), — я была счастлива, что работаю и могу что-то сказать людям.

Беседу вел
Э. ЛЫДИНА.

1979 г.
"Советское кино" / репортаж